

Владыка Назарий: Не было ни одной недели в моей монашеской «карьере», чтобы я не занимался мусором и строительством

НАМЕСТНИК АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЛАВРЫ — О СВОЕЙ ЖИЗНИ, О ВЕРЕ И О ГОСУДАРСТВЕ

25 июня на Коневце у одного из самых древних монастырей — мужского Рождество-Богородичного — был день рождения, круглая дата: 620 лет минуло с тех пор, как в 1393 году на необитаемом острове в Ладожском озере преподобным Арсением Коневским была основана святая обитель.

В честь этого события на остров прибыло много духовенства, в том числе и наместник Александро-Невской лавры епископ Кронштадтский Назарий, который был первым настоятелем монастыря после того как его передали Русской православной церкви.

Главный подарок монастырю — деревянную часовню Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского на мысе Родушка, которую в этот день освятили, — преподнесло Александро-Невское братство.

Возвращение на «материк» проходило без пафоса. Владыка Назарий, разместившись вместе с паломниками и журналистами на нижней палубе катера, ответил на многие вопросы спутников.

На Коневце отдыхают воспитанники воскресной школы Александро-Невской лавры.

ОТ СВЕЧЕЙ И ДОХОД, И РАСХОД

— Владыка, много ли людей хотят по мочу Лавре?

— Хочу сказать, что все это мифы о каких-то спонсорах. Хотя я был счастлив, когда во время ремонта Троицкого собора еще восемь лет назад один человек пожертвовал сто тысяч рублей, чтобы мы могли на главку купола закупить сусальное золото. Это был самый большой спонсорский взнос.

— Неужели государство никак не участвует в этом процессе, ведь Лавра — памятник федерального значения?

— А сколько у нас таких памятников, которые надо срочно спасать? Конечно, храм не наш, а государственная собственность, нам его передают в бессрочную аренду. По закону государство должно выделять деньги на фасадные работы, на ремонт инженерных сетей, фундаментов. Но внутри мы сами обязаны поддерживать все в порядке. Мне удалось «выдавить» из города 9 млн. на ремонт фасада Надвратной церкви, расположенной на площади Александра Невского, но это мизерные деньги — внутри на 85 — 90 процентов всё сделано на деньги прихожан. Это и есть наши главные спонсоры. Хотя правды ради надо сказать, что город мог и не дать эти деньги, так как Лавра — памятник федерального значения, который должен получать средства по определенным программам от федерального Министерства культуры.

— Это странно, ведь губернатор у нас — человек верующий, посещает храмы...

— Оттого, что губернатор человек верующий, он же не станет нам храмы восстанавливать. И это правильно, потому что он — губернатор для всех петербуржцев: и верующих и неверующих. А если бы он начал направлять бюджетные деньги только на храмы, то что сказали бы сектанты, коммунисты, глобалисты и прочие?

— Значит, больше всего Церкви помогают простые люди?

— Помогают люди даже не среднего, а ниже среднего достатка. Деньги приходят от простых паломников, от тех, кто хочет помолиться, заказать сорокоуст, годовое поминовение. Эти традиционные «требные деньги», как ни странно, даже превышают доход от свечей. Всегда считалось, что свечи — основной доход. Нет, от них одновременно и доход, и расход. Например, восемь лет назад мы полностью отреставрировали Свято-Троицкий собор Лавры. И за восемь лет свечи настолько закоптили собор, что мы в этот раз потратили 45 миллионов на его восстановление. Мы никогда столько денег не выручим за свечи, чтобы сделать ремонт. К тому же восстановить в соборах старую вентиляцию невозможно, а новые системы испортят интерьеры, опять же они производят шум. Поэтому сейчас встает

вопрос: может быть, по примеру Румынии, Греции и других стран ставить малые уличные иконостасы? Но при этом, конечно, запойные свечи или свечи к празднику останутся в храме. Правда, у нас народ такой, что может за эту инициативу обвинить в расколе или еще в чем-то.

МЫ САМИ ПООЩРЯЕМ МИГРАНТОВ

— А вас не беспокоит строительство новых мечетей в Петербурге?

— Количество мечетей не беспокоит — беспокоит количество мусульман. Вы ведь все ленивые — не хотите рожать детей! А посмотрите, сколько их в мусульманских семьях. Люди приехали в совершенно другую культурную среду и пытаются диктовать нам свои законы и обычаи. Но ведь если человек приехал сюда, то он должен уважать те традиции, которые здесь существуют. По отдельности эти люди чаще всего просто замечательные, но когда собираются в «стаю», вы сами видите, что делается: образуются анклавы и начинают превалировать над местным населением. И тут уже не до соблюдения толерантности. Сталкиваются культуры или, проще говоря, бескультуры.

— То есть вы против мигрантов?

— Мы не против мигрантов — мы сами вынуждаем их ехать к нам: не идем на работу, не хотим работать дворниками или на других непрестижных работах. А другие пользуются этой дармовой силой, которой можно в два-три раза меньше платить. То есть мы сами поощряем это. Так что вопрос миграции сегодня — один из самых главных и болезненных.

— Надо поменьше денег на торпеды давать, а побольше на культуру...

— И на торпеды тоже надо. Мы уже попробовали разоружиться в горбачевское время, и еще раньше — при Леониде Ильиче. И что из этого получилось?

— Но мы теперь «подстраховываемся» — вводим уроки начальной военной подготовки (НВП) в школе, а на острове тренируем детей в военно-спортивной лагере «Воин»...

— Ну, это же дети! Здесь цель другая: слово «патриотизм» стало спаллюженным (в переводе с украинского — охаянным. — Л. К.), ругательным. И надо вернуть ему настоящее содержание, что и делают в таких лагерях для детей. Быть космополитом везде и всюду — да, наверное, это интересно некоторым людям, но это не в интересах державы, в которой мы живем, от которой ждем и требуем помощи, защиты.

— Владыка, вы сами были защитником Родины — служили в армии танкистом. Как считаете, должна ли армия быть контрактной?

— Сейчас армия перевооружается, туда поступает высокотехнологичное оборудо-

вание, оружие. Ну что можно за эти восемь месяцев после присяги понять, чему научиться?

— И вы за то, чтобы в армии служили, как раньше, два года, три — в морфлоте?

— Я за то, чтобы была контрактная система, чтобы в армии служили профессионалы. Вот нам говорят: зачем вооружаться? Но посмотрите, сколько профессиональных людей, офицеров уволили из армии. Разве мы лучше сделали своему государству? Критиковать легче всего, а вот предложить что-то конструктивное — с этим у нас хуже.

ВЗЯЛ ПОД КОЗЫРЕК И... НА КОНЕВЕЦ

— Владыка, а как вы оказались наместником Коневецкого монастыря?

— Сначала в приозерской газете то ли в шутку, то ли всерьез появилось объявление: «Продается остров». А потом меня вызвал к себе покойный митрополит Иоанн (Снычев) и вручил указ — я тогда был настоятелем подворья Валаамского монастыря. Я — под козырек и вперед. Сначала мы приехали на разведку с секретарем Владыки Иоанна, заплыв на корабле в бухту — шторм, лед висит. Думаю: куда мы едем? Но когда увидел этот монастырь, даже в том виде, в каком он находился, я был потрясен... Вместе с указом мне определили зарплату 500 рублей в месяц, и на эти деньги я стал восстанавливать монастырь.

Главное — любить свое дело. Хотя в моей жизни так получалось, что я практически ни одного объекта, которые начинал, не доводил до той степени, в какой видел в своих фантазиях. В Выборге начинаю перестраивать, вдруг меня переводят на Валаамское подворье, где, кстати, в храме была мебельная фабрика. Я тогда шутил, что меня сделали директором мебельной фабрики. Потом меня перевели в епархию, а 28 мая 1991 года послали на Коневец и положили начало восстановлению монастыря. Теперь вот реставрируем Лавру...

— Но если вас опять назначат в другое место, с сожалением будете покидать Северо-Запад?

— Я стану просить Святейшего Патриарха, чтобы он больше не назначал меня в руины (улыбается). Потому что не было ни одной недели в моей монашеской «карьере», чтобы я не занимался мусором, строительством, — такая моя планета. А почему Северо-Запад я должен покидать?

— Вдруг Патриарху вы будете нужны в Москве?

— А зачем мне Москва, Господи? Самое гиблое место, в которое я никак не хочу. Муравейник! Например, приедет петербуржец в Москву, сядет в Александровском саду — ему так спокойно. Вдруг наступает человек во весь опор, и думаешь: с такой ско-

ростью только самолеты летают. И этот человек бухнется возле тебя, три минуты газету почитал и — раз! — опять так же несется. Ну что это за жизнь?

Но для меня сейчас главное — закончить в Лавре реставрацию объектов. По времени постройки это же середина XVIII века, ветхие здания, проблемы по инженерной части. Я по два-три раза в день обхожу все стройки, все объекты. Очень обидно бывает, когда и специалисты вроде бы хорошие, а делают глупости. Иногда, когда с ними поговорю, они меня спрашивают: «Вы что — строительный университет закончили?» А я благодарю Бога, что родом из Украины, из села, что у меня был отец и мог ставить дома только так.

— Владыка, вы родились на Черкасщине, учились в Симферополе в сельскохозяйственном институте на агронома. Как долго привыкли к северному Петербургу?

— Я сначала поступил в семинарию, потом четыре года в академии — разве думаешь, как акклиматизироваться? В первую очередь думаешь, как выжить. У меня мама была очень религиозным человеком, и я всегда ходил в церковь. Но во втором классе меня комсомольцы поймали на Пас-

Полную версию беседы читайте на нашем сайте vpress.ru

ху, выстригли крест на голове и заставили ходить так, пока «крест» не зарастет. Ну, теперь можно пошутить, что это был мой первый постриг. И я вспомнил об этом в речи после избрания меня епископом — я не мог такое забыть, это всю жизнь со мной. Но тогда время было такое — я пошел в школу в 1959 году. А 61-й год — это был ужас, кошмар: у нас на весь район осталась одна церковь. По статистике, после революции на Украине намного меньше было разрушено церквей, чем в 60-е годы. Так Хрущев показывал, что раз он из Украины, то Украина должна быть безбожной.

— Но теперь-то все восстанавливается?

— А все не восстановишь! И какой смысл восстанавливать храм, у которого нет деревьев? Храмы-то строятся для людей. Я не понимаю бизнесменов, которые у себя на дачах строят целые соборы, и никто туда не имеет права прийти.

НА ВОЗВРАЩЕНИИ РАКИ НЕ НАСТАИВАЕМ

— Сейчас греческая община собирает средства восстанавливать греческую церковь в месте касс БКЗ. Депутаты тоже вступили за храм и даже отправили письмо губернатору...

— Греческая церковь Дмитрия Солунского была очень значимой для нашего города, особенно когда Петербург был столицей и здесь были посольства, представительство греческого государства. Вы не забываете, что освободительная революция в Греции пошла от Петербурга, и храм играл большую роль. А теперь, если есть поддержка, почему его не восстановить?

Тут надо рационально смотреть. Я бы все усилия направил на спальные районы, где нет в округе ни храмов, ничего. Мы, правда, добились, чтобы в жилом комплексе «Князь Александр Невский» по нашей просьбе на первом этаже с отдельным входом был храм, который Лавра будет окармливать. Таких добрых примеров могло бы быть и больше.

— Владыка, поделитесь, как вам памятник Александру Невскому на площади у Лавры, о котором до сих пор идут споры.

— Мы ходили на согласительную комиссию, и я настаивал, чтобы памятник Александру Невскому был не в створе Невского проспекта, а развернут на мост Александра Невского и Лаврский переулочек, стоял боком к Лавре. И тогда, если ехать по Невскому проспекту, он не выглядел бы палкой и профиль его читался. Но нас не послушали.

— Не слушают и тогда, когда вы говорите, что надо вернуть раку святого князя, хранящуюся в Эрмитаже...

— С самого начала мы ставили этот вопрос. Долго спорили, дискутировали. А результат — ноль. Мне кажется, что если не получается ее вернуть, то что же теперь, надо испираться лбами? Надо искать компромиссы.

— А администрация Центрального района на Старо-Невском не собираетесь «выгонять» с насженного места?

— Если бы это здание принадлежало Лавре, то пришлось бы, а так как оно принадлежит епархии, то это не мой вопрос. Но если епархия сумеет сделать хороший проект, чтобы использовать это здание, тогда стоит этим заняться.

Знаете, откуда происходит выражение «драть как сидорову козу»? Там ведь было Исидоровское епархиальное женское училище, где была очень строгая дисциплина и ученики называли сидоровыми козами. А кстати, на месте гостиницы «Москва» была лаврская богадельня, и там свои последние годы провела вдова Федора Михайловича Достоевского. Вообще почти половина домов на Старо-Невском проспекте были до-

ходными домами Лавры. Лавра строила, потом сдавала в аренду и получала деньги, которые направляла на социальные нужды — содержание тех же богаделен и т. д. А напротив станции метро «Площадь Александра Невского-2» стоит дом с колоннами — это был певческий корпус, который сейчас не наш и якобы в ремонте находится. Думаю, что скоро развалится.

— Владыка, а что вы обычно отвечаете тем, кто говорит: ну вот опять РПЦ требует отдать ей тот или иной дом, а ведь у нас столько государство?

— Ну и что, что у нас светское государство? Если оно светское и хорошее, справедливое государство, то пусть отдаст долги. Я же не выступаю и не говорю: освободите нам доходные дома, мы поселим туда жильцов и будем с этого что-то иметь. Мы просим, если что-то не так используется или если есть варианты другого, более эффективного использования. Например, Благовещенская церковь. Она входит в лаврский комплекс. Но Музей городской скульптуры поступает как вандал какой-то: сколько снято могильных плит, сколько могил утеряно — хотя бы крест там поставили! Люди думают, что приходят кланяться праху, а на самом деле кланяются... камню.

— Владыка, как вы относитесь к закону, который собирается принять Госдума, приравнивающему крестные ходы к демонстрациям? К тому, что маршруты надо согласовывать с местными властями?

— Думаю, это правильный закон. Мы сталкиваемся с тем, что крестный ход нарушает движение транспорта, обычное течение жизни города. Все-таки порядок должен быть в государстве. А те собрались пять теток и говорят: «Пойдемте крестным ходом». Во-первых, надо благословение получить...

— А в Петербурге такой закон уже принят с подачи депутата Милонова...

— Не надо на Милонова сильно «гнать». 12 сентября мы будем организовывать крестный ход от Казанского собора к Лавре, уведомим об этом власти и все согласуем. Разве это плохо? Начинать с Елизаветы Петровны этот крестный ход у нас в Петербурге всегда был традиционным, а 12 сентября всегда был выходной, и обязательно император с императрицей шли пешком от Казанского до Лавры. Так что приходите — давайте вспомним, что в этом году Лавре — триста лет.